

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-54-73>

Оригинальная научная статья

Сенсорные приоритеты в арктической среде: экосемиотический анализ перцептивной лексики якутского языка

Р. П. Иванова¹   , А. А. Аймолдина²

¹ Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в г. Мирном, Мирный, Россия

² Astana IT University, Астана, Казахстан

 raissal@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется перцептивная лексика якутского языка с позиций экосемиотического подхода. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления того, как сенсорные приоритеты народов Арктики, обусловленные экстремальными природными условиями, находят отражение в системе перцептивной лексики языка, что имеет значение как для фундаментальной лингвистики, так и для сохранения языкового наследия. Цель исследования – реконструировать иерархию сенсорных модальностей, закодированную в лексической системе якутского языка, и интерпретировать ее как отражение исторически сложившихся адаптивных стратегий. Материалом послужили данные толковых и двуязычных словарей якутского языка, а также корпус иллюстративного материала из художественных текстов (всего 327 лексических единиц). Методология включает когнитивно-семиотическое моделирование, компонентный, дистрибутивный, а также количественный анализ. Результаты показывают, что лексическая система якутского языка фиксирует устойчивую иерархию сенсорных приоритетов: слух (31% лексем) занимает доминирующее положение благодаря семантическому синкретизму ядерного глагола *uhum* ‘слышать – понимать – слушаться’, за ним следует обоняние (24%), характеризующееся высокой степенью объектно-ориентированной и оценочной лексики; зрение и вкус (по 17%) занимают среднюю позицию, в конце иерархии находится осязание (11%), выполняющее вспомогательные функции. Выявлено неравномерное соотношение субъектно- и объектно-ориентированной лексики: в обонятельной сфере фиксируется преобладание объектного кодирования (55%), что специфично для якутского языка. Таким образом, сенсорные приоритеты якутского этноса – доминирование коллективного опыта (слух)

© Иванова Р. П., Аймолдина А. А., 2026

и витальной диагностики (обоняние) над индивидуальным созерцанием – представляют собой языковую репрезентацию успешной экологической и социальной адаптации к условиям Арктики.

Ключевые слова: якутский язык, перцептивная лексика, сенсорные приоритеты, экосемиотика, когнитивно-семиотический анализ, слуховая перцепция, обонятельная перцепция, языковая картина мира, адаптация, Арктика

Для цитирования: Иванова Р.П., Аймолдина А.А. Сенсорные приоритеты в арктической среде: экосемиотический анализ перцептивной лексики якутского языка. *Арктика XXI век*. 2026;14(2):54–73. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-54-73>

Original article

Sensory priorities in the Arctic environment: eco-semiotic analysis of perceptual vocabulary in the Yakut language

Raisa P. Ivanova¹ , Aliya A. Aimoldina²

¹Mirny Polytechnic Institute (branch) M.K. Ammosov North-Eastern
Federal University, Mirny, Russia

²Astana IT University, Astana, Kazakhstan
 raissal@yandex.ru

Abstract

The article examines the perceptual lexicon of the Yakut language within an eco-semiotic framework. The relevance of the study is determined by the need to reveal how the sensory priorities of Arctic peoples, shaped by extreme natural conditions, are reflected in language and contribute to the preservation of linguistic heritage. The aim of the research is to reconstruct the hierarchy of sensory modalities encoded in the Yakut lexical system and interpret it as a reflection of historically formed adaptive strategies. The material includes explanatory and bilingual dictionaries of the Yakut language and illustrative examples from literary texts, comprising 327 lexical units. The methodology combines cognitive-semiotic modeling with component, distributional, and quantitative analysis. The results show a stable hierarchy of sensory priorities: hearing occupies the dominant position (31%) due to the semantic syncretism of the verb *ihit* ‘to hear – to understand – to obey’; olfaction ranks second (24%) and is marked by object-oriented and evaluative vocabulary; vision and taste hold intermediate positions (17% each), while touch has the lowest share (11%) and performs mainly auxiliary functions. The study also reveals an uneven distribution of subject-oriented and object-oriented lexicon, especially in the olfactory domain, where object-oriented encoding prevails (55%). The conclusion is

that the dominance of hearing and smell reflects the ecological and social adaptation of the Yakut ethnos to Arctic conditions.

Keywords: Yakut language, perceptual vocabulary, sensory priorities, ecosemiotics, cognitive-semiotic analysis, auditory perception, olfactory perception, linguistic worldview, adaptation, Arctic

For citation: Ivanova R.P. Aimoldina A.A. Sensory priorities in the Arctic environment: ecosemiotic analysis of perceptual vocabulary in the Yakut language. *Arctic XXI Century*. 2026;14(2):54–73 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-54-73>

Введение

Арктика представляет собой не только географический регион, но и специфическую экзистенциальную среду, предъявляющую экстремальные требования к человеку. Суровый климат, полярная ночь, скудный ландшафт, огромные пространства и малочисленность населения – все это на протяжении веков формировало специфические адаптивные стратегии коренных народов Севера. Эти стратегии не ограничиваются технологиями выживания, но проникают в самые глубинные слои культуры, включая язык.

Для того чтобы понять, как именно язык фиксирует и транслирует адаптивный опыт, необходимо обратиться к современным семиотическим теориям, анализирующим связь восприятия, знаковых систем и среды. Одним из таких направлений является экосемиотика – междисциплинарная область исследований, находящаяся на стыке семиотики, экологии и биологии. Данная парадигма рассматривает экологические системы как сложные семиотические сети, в которых взаимодействие между организмами и средой обитания осуществляется посредством знаковых процессов [1]. Истоки экосемиотики восходят к работам, предложившим в конце XX века трактовать экосистемы как динамические знаковые сети [2]. В последующих исследованиях было показано, как семиотические процессы формируют экологические взаимодействия – от коммуникации животных до культурных репрезентаций природы [3; 4]. Экосемиотика анализирует, как материальная среда становится носителем значений: для животных это могут быть следы, запахи или акустические сигналы, а для человека – символы, мифы и культурные коды [5].

В самом деле, в лексике, грамматике и семантике закодированы способы восприятия, оценки и категоризации окружающего мира, которые веками обеспечивали выживание в таких условиях, которые для неприспособленного человека кажутся враждебными. Особое место в

этом архиве занимает перцептивная лексика – слова, описывающие восприятие органами чувств. Именно через нее язык фиксирует, какие сенсорные каналы являются критически важными для жизнедеятельности, а какие – второстепенными.

Обращение к научной литературе показывает, что в тюркском языкознании перцептивная лексика изучалась в сравнительно-историческом аспекте [6; 7; 8], в рамках контрастивного анализа разносистемных языков (узбекского и русского) [9], а также в семантико-когнитивном ключе на материале хакасского языка [10; 11]. Отдельное внимание уделялось лексико-семантическим группам параметрических прилагательных зрительного восприятия в алтайском языке в сопоставлении с киргизским [12], а также сравнительно-семасиологическим исследованиям лексики тюркских языков, включая якутский и казахский, направленным на выявление закономерностей семантических сдвигов и сохранения базовых значений в родственных языках [13]. Что касается якутского языка, то существующие исследования ограничиваются изучением отдельных аспектов перцепции: прилагательных вкусообозначения [14], глаголов тактильного восприятия в аспекте словообразования [15], особенностей ольфакторной коммуникации в якутском тексте [16], а также концепта *ХАРАХ* ('глаз') в рамках теории концептуальной метафоры [17] и др. Таким образом, комплексное исследование всей системы перцептивной лексики якутского языка, основанное на единой методологии и охватывающее все пять сенсорных модальностей, до настоящего времени не проводилось.

Проблема исследования также заключается в отсутствии системного описания перцептивной лексики якутского языка с точки зрения ее адаптивного потенциала. Между тем, ответ на этот вопрос позволяет не только понять внутреннюю логику языковой системы, но и реконструировать сенсорные приоритеты – то есть культурно обусловленное ранжирование значимости разных каналов восприятия. Для якутского этноса этот вопрос приобретает особую остроту. Якуты – самый северный тюркоязычный народ, чья история представляет собой уникальный пример адаптации скотоводческой культуры к условиям резко континентального климата Восточной Сибири и Арктики. Переселившись из более южных регионов (Прибайкалье, Забайкалье) в бассейн Средней Лены, предки якутов не просто выжили в новых условиях, но и создали устойчивую хозяйственно-культурную систему, основанную на коневодстве и крупном рогатом скоте, что для арктических широт является беспрецедентным феноменом [18]. Успех этой адаптации не мог быть обеспечен только материальными технологиями – он требовал и особого

способа восприятия среды, особой «сенсорной бдительности», которая должна была найти отражение в языке.

Цель настоящей статьи – реконструировать иерархию сенсорных модальностей, закодированную в лексической системе якутского языка, и интерпретировать ее как языковое отражение адаптивных стратегий саха.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- провести инвентаризацию и категоризацию перцептивной лексики якутского языка по пяти сенсорным модальностям (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание);
- выявить структурные особенности ядра и периферии каждого лексико-семантического поля;
- определить количественное и качественное соотношение субъектно- и объектно-ориентированной лексики в каждой модальности;
- реконструировать иерархию сенсорных приоритетов на основе интегральных параметров;
- интерпретировать выявленную иерархию в контексте экологической и социальной адаптации якутского этноса к арктическим условиям.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке интегративной методологии когнитивно-семиотического анализа перцептивной лексики, которая может быть применена к другим языкам. Практическая значимость связана с возможностью использования результатов в лексикографической практике, при составлении учебных пособий по якутскому языку, а также в междисциплинарных исследованиях по антропологии, этнографии и когнитивной науке.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили следующие лексикографические источники: «Большой толковый словарь якутского языка» в 15 томах под редакцией П.А. Слепцова [19–22], а также «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского [23; 24], переводной онлайн словарь якутского языка Sakhatyla.ru.

Методология исследования базируется на интегративном подходе, объединяющем: когнитивно-семиотическое моделирование – анализ типов знаков (иконических, индексных, символических) в перцептивной лексике, выявление моделей смыслопорождения; компонентный анализ – выявление дифференциальных семантических признаков внутри лексико-семантических полей; дистрибутивный анализ – изучение контекстуальных окружений перцептивных единиц, выявление синтагматических связей; квантитативный анализ – подсчет частотности и объемов лексических групп, определение процентного соотношения.

Процедура анализа включала следующие этапы: инвентаризация перцептивной лексики из словарей и корпуса текстов; категоризация единиц по пяти сенсорным модальностям (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание); выделение ядерных и периферийных единиц в каждом поле на основе частотности, семантической емкости и деривационной активности; классификация на субъектно-ориентированные (описывающие активность воспринимающего субъекта) и объектно-ориентированные (описывающие свойства воспринимаемого объекта); реконструкция иерархии на основе количественных (объем лексики) и качественных (структурная сложность, наличие культурно-специфичных концептов, синестетические связи) параметров.

Результаты и обсуждение

Структура ядра лексико-семантических полей перцепции

Сравнительный анализ ядерных элементов пяти перцептивных полей (табл. 1) выявил универсальную структуру, которая формируется вокруг стержневого глагола восприятия, выполняющего системообразующую функцию. Этот глагол дополняется абстрактным существительным (номинация процесса или результата), а также конкретным существительным (название соматического органа). Рассмотрим таблицу 1.

Таблица 1

Ядерные элементы лексико-семантических полей перцепции в якутском языке

Table 1

Core elements of lexical-semantic fields of perception in the Yakut language

Модальность	Ядерный глагол	Абстрактное существительное	Соматический компонент
Зрение	<i>көр</i> ‘видеть’	<i>көрүү</i> ‘взгляд, видение’	<i>харах</i> ‘глаз’
Слух	<i>иһит</i> ‘слышать, слушать’	<i>истиһи</i> ‘слушание, понимание’, ‘слух (как чувство)’	<i>кулгаах</i> ‘ухо’
Обоняние	<i>сыттаа</i> ‘нюхать, чують’	<i>сыт</i> ‘запах’	<i>мурун</i> ‘нос’
Вкус	<i>амсай</i> ‘пробовать’	<i>амтан</i> ‘вкус’	<i>тыл</i> ‘язык’
Осязание	<i>таарый</i> ‘прикасаться’	<i>таарыйыы</i> ‘прикосновение’	<i>илиһи</i> ‘рука’

Центральный широкозначный глагол выступает в качестве главного системообразователя каждого перцептивного поля. Именно от него происходит развертывание семантического пространства: он генерирует отглагольные существительные, служит основой для производных и сложных слов, задает общую семантическую модель, вокруг которой организуется периферия поля.

Наиболее семантически насыщенным является ядро слухового поля. Глагол *иһит* обладает уникальным синкретизмом, объединяющим три фундаментальных плана: физиологический – акт слуховой перцепции: *кулгааххынан тыаһы, саҕаны бил* – ‘услышать, слушать’; интеллектуально-когнитивный – процесс понимания: *туох эмэ ис хоһоонун өйдөө* – ‘понимать речь, музыку’; социально-нормативный – акт повиновения и подчинения: *ким эрэ сорууарын, сүбэлиирин ылын, толор* – ‘слушаться, повиноваться’ [23, с. 971; 19, с. 767]. В словаре Э. Пекарского находим дефиницию глагола *иһит* – слышать, обонять: *Кини таҥаһын сытын истэн баран* ‘Услышав обонянием запах его одежды’ [23, с. 971]. Данный пример демонстрирует синестезию «слух → обоняние», где глагол слуховой перцепции *иһит* ‘слышать’ используется для обозначения обонятельного восприятия. Это свидетельствует о том, что в якутском языковом сознании границы между сенсорными модальностями оказываются проницаемыми, а сам глагол *иһит* выступает как генерализованный перцептивный предикат, способный кодировать не только акустические, но и хемосенсорные ощущения. Этот семантический синкретизм не случаен. Он является прямым языковым отражением исторически сложившегося доминирования устной традиции в культуре саха, где звучащее слово было основным носителем информации, а беспрекословное послушание старшим и следование устным заветам – базовым принципом социальной организации. В условиях сурового арктического климата, где визуальные ориентиры часто ненадежны, а коллективное выживание зависело от слаженности и дисциплины, именно слух становился главным каналом координации и социализации.

Ядро обонятельного поля, напротив, демонстрирует иную структурную организацию. Его фокус смещен с активного действия на саму воспринимаемую субстанцию, что проявляется в доминирующей роли существительного *сыт* ‘запах’. Существительное *сыт* в якутском языке не просто обозначает запах как физиологическое явление, но и, как следует из его словарной дефиниции через лексему *бэлиэ* ‘знак’ [21, с. 495], выполняет роль семиотического инструмента, кодирующего информацию об источнике запаха, его культурной значимости (ритуалы, окуривание, пища) и пространственной ориентации (присутствие человека, жилья,

дичи). В словаре Э. Пекарского существительное *сыт* фиксируется со следующими значениями: ‘запах, дух, вонь, духота, зловоние, гнилость’ [24, с. 2500]. Как видно из перечня, лексема в основном обладает отрицательной маркированностью и лишь в сочетании с прилагательным *учугэй* ‘хороший’ приобретает положительное значение. Глагол *сыттаа* ‘нюхать, чують’ выполняет прежде всего функцию установления связи между субъектом и субстанцией, проявляя значительно меньшую семантическую вариативность и продуктивность по сравнению с глагольными ядрами других модальностей. Такая организация – с акцентом на объекте, а не на нюансах перцептивного акта – отражает специфику обоняния как чувства, в большей степени пассивно-рецептивного и теснее связанного с непосредственной идентификацией свойств окружающей среды. В арктических условиях, где многие угрозы диагностируются именно по запаху, способность тонко дифференцировать ольфакторные сигналы становится критическим фактором выживания.

Структура и семантика периферийной перцептивной лексики

Периферийная лексика (табл. 2) демонстрирует двухуровневую организацию: ближняя периферия включает единицы, непосредственно связанные с ядерными значениями, но обладающие дополнительными признаками целенаправленности, регулярности или культурной маркированности; дальняя периферия содержит лексемы с высокой степенью образности, звукоподражательности или оценочности.

Таблица 2

Распределение периферийной перцептивной лексики по модальностям

Table 2

Distribution of peripheral perceptual vocabulary by modality

Модальность	Ближняя периферия (примеры)	Дальняя периферия (примеры)
Зрение	<i>одуулаа</i> ‘пристально смотреть’, <i>кэтээ</i> ‘наблюдать’, <i>өнгөй</i> ‘выглядывать’	<i>кылабачый</i> ‘ярко сверкать’, <i>кулумнээ</i> ‘искриться’, <i>чабылый</i> ‘светиться (от счастья)’
Слух	<i>чөрбөй</i> ‘внимательно прислушаться’, <i>тыаһаа</i> ‘шуметь’	<i>чуумпу</i> ‘тишина’, <i>дорбоон</i> ‘громкий звук, отголосок’
Обоняние	<i>сытырбаа</i> ‘обнюхивать’, <i>сыллаа</i> ‘прикасаться носом, вдыхать запах’	<i>кункулуй</i> ‘смердеть’, <i>ыы-дьаар</i> ‘зловоние’, <i>сытыган</i> ‘гнилостный запах’

Вкус	<i>боруубалаа</i> ‘отведывать (вежливо)’	<i>хабархай</i> ‘горький/терпкий (с оттенком едкости)’, <i>аһыырҕат</i> ‘ощутить резкий горький вкус’
Осязание	<i>бигээ</i> ‘распознавать на ощупь’, <i>тыыт</i> ‘трогать’	<i>имэрий</i> ‘поглаживать (с оттенком ласки)’, <i>баттаа</i> ‘нажимать; угнетать’

Особого внимания заслуживает феномен синестезии в дальней периферии, который свидетельствует о целостном, холистическом характере восприятия в якутской языковой картине мира. Прилагательное *минньигэс* функционирует одновременно в полях вкуса (‘сладкий, приятный на вкус’) и обоняния (‘приятный запах’); *аһыы* – в полях вкуса (‘кислый, горький’) и обоняния (‘едкий, резкий’); *килэгир* объединяет тактильное ощущение (‘гладкий’) с визуальной характеристикой (‘блестящий’).

Эта полимодальность не является случайной. В условиях Арктики, где ресурсы скудны, а ошибка в оценке качества пищи или безопасности среды может стоить жизни, сенсорный опыт интегрируется в единый комплексный образ. Язык фиксирует эту интеграцию через синестетические лексемы, которые позволяют говорить о запахе как о «сладком» или о поверхности как о «блестящей на ощупь».

Так, прилагательное *минньигэс* ‘вкусный, сладкий’ в якутском языке регулярно используется для характеристики обонятельных ощущений. Ср.: *Дьуэ иһиттэн ас минньигэс сыта кэлэр* ‘Из дома доносится вкусный запах еды’ [20, с. 263]. Прилагательное, изначально относящееся к вкусовой модальности, здесь определяет существительное *сыт* ‘запах’, что представляет собой случай языковой синестезии.

В свою очередь, прилагательное *чуумпу* ‘тихий, бесшумный’ (слуховая модальность) может использоваться для описания визуальных качеств: *Долгуна суох чуумпу уу устун тыы устан барда* ‘По тихой глади воды поплыла лодка’ [22, с. 247]. Здесь акустический признак переносится на характеристику водной поверхности, создавая образ безмолвия и неподвижности.

Следовательно, периферийная лексика якутского языка не просто дополняет ядерные зоны, а формирует самостоятельный пласт, в котором кодируются оценочные, образные и синестетические смыслы, необходимые для целостной сенсорной квалификации окружающей среды.

Количественное распределение и иерархия сенсорных приоритетов

Количественный анализ (табл. 3) выявил неравномерное распределение лексики по сенсорным модальностям.

Таблица 3

**Количественное распределение перцептивной лексики
по сенсорным модальностям**

Table 3

Quantitative distribution of perceptual vocabulary by sensory modality

Модальность	Количество лексем	Доля от общего объема
Слух	101	31%
Обоняние	78	24%
Зрение	56	17%
Вкус	56	17%
Осязание	36	11%
Всего	327	100%

На основании количественных (объем лексики, частотность) и качественных параметров (структурная сложность ядра, степень дифференциации периферии, наличие культурно-специфичных концептов, синестетические связи) реконструируется следующая иерархия сенсорных приоритетов: СЛУХ (31%) > ОБОНЯНИЕ (24%) > [ЗРЕНИЕ = ВКУС] (по 17%) > ТАКТИЛЬНОСТЬ (11%).

Эта иерархия отражает не просто лингвистическую реальность, но и адаптивные стратегии, веками обеспечивавшие выживание якутского этноса в арктических условиях.

Слух занимает высшую позицию в иерархии, и это доминирование проявляется не только в максимальном количестве лексем (31%), но и в уникальных качественных характеристиках. Ключевой из них является семантический синкретизм глагола *uhum*, объединяющего слышание, понимание и послушание, – явление, не имеющее аналогов в других перцептивных полях. Это означает, что в якутском языковом сознании акт слухового восприятия неразрывно связан с актом социального подчинения и интеллектуальной обработки. Кроме того, в языке представлена развитая система существительных для обозначения акустических феноменов, включающая не только конкретные звуки (*тыас* ‘звук, шум’), но и семиотически значимые концепты: *чуумпу* ‘тишина’ (осмысляемая не как отсутствие звука, а как состояние покоя и гармонии), *дорбоон* ‘громкий звук; отголосок, слух’, *сурах* ‘молва, слухи’. Особую роль слух выполняет в функции социального регулирования. В условиях устной традиции слух являлся главным каналом передачи знания, законов, обы-

чаев и моральных норм. Умение слушать и слышать – включая понимание подтекста и послушание – было условием социализации и выживания коллектива.

С эволюционной точки зрения, приоритет слуха перед зрением в условиях Арктики объясним. В полярную ночь зрение бесполезно, но слух продолжает работать. В метель, когда видимость нулевая, звук остается единственным ориентиром. В огромных, слабозаселенных пространствах голос – основной способ связи между удаленными группами. Таким образом, слух становится не просто сенсорным каналом, а экзистенциальной опорой арктического человека.

Обоняние занимает вторую позицию, что является уникальной чертой якутской перцептивной системы. В большинстве индоевропейских языков обонятельная лексика скудна и мало дифференцирована. В якутском языке она, напротив, составляет почти четверть всей перцептивной лексики и демонстрирует ряд особенностей:

- *Преобладание объектно-ориентированной лексики* (см. табл. 4). В обонятельной сфере фиксируется превышение объектного кодирования над субъектным (55% против 45%). Это означает, что язык уделяет больше внимания описанию самого запаха (его источника, интенсивности, качества), чем акту его восприятия субъектом.

Таблица 4

Соотношение субъектно- и объектно-ориентированной лексики по сенсорным модальностям

Table 4

Correlation of subject-oriented and object-oriented vocabulary by sensory modality

Модальность	Субъектно-ориентированные	Объектно-ориентированные
Слух	68%	32%
Обоняние	45%	55%
Зрение	58%	42%
Вкус	62%	38%
Осязание	71%	29%

– *Резкая поляризация оценочных значений*. Обонятельная лексика четко делится на положительно-маркированную (*минньигэс* ‘приятный запах’, *сыллаа* ‘ласково прикасаться носом’, *дыргый* ‘благоухать’) и

резко отрицательную (*кункулуй* ‘смердеть, вонять’, *ыы-дьаар* ‘зловоние’, *сытыган* ‘гнилостный запах’).

– *Глубокая связь с безопасностью*. Запах в якутской культуре – это маркер: *сытыган* ‘гнилостный запах’ сигнализирует о порче пищи, опасности, смерти; *минньигэс* ‘вкусный’ – о благополучии, свежести, жизни. Способность тонко дифференцировать запахи была критична для оценки качества пищи, а также для обнаружения присутствия хищника или чужого человека.

Таким образом, обоняние выступает как сенсорный страж телесного и экологического благополучия. В условиях, где многие угрозы невидимы, обонятельная бдительность становится важнейшей адаптивной стратегией.

Зрительная и вкусовая системы занимают промежуточное положение (по 17%), однако их функции различны.

Зрение ориентировано на активное, целенаправленное действие. Ядерный глагол *көр* ‘видеть’ – это не пассивная рецепция, а активное наблюдение, часто связанное с поиском, оценкой, ориентацией. Богатство глаголов, описывающих световые явления (*сырдаа* ‘светиться, сиять’, *тык* ‘светить (о солнце)’, *умай* ‘ярко светиться (об огне, северном сиянии)’, *кулумнээ* ‘сверкать, искриться’, *кылбай* ‘блестеть белым светом’), отражает гипертрофированную чувствительность к свету в условиях контрастного режима освещения Крайнего Севера – долгая полярная ночь сменяется долгим полярным днем, и язык фиксирует каждый нюанс этого фундаментального для жизни явления.

Вкусовая система, напротив, компактна и интегральна. Ее сущность – не детализация процесса, а вынесение гедонистического вердикта. Ключевые прилагательные *минньигэс* ‘приятный запах’ и *аһыы* ‘горький, кислый, острый’ связывают вкусовое ощущение напрямую с эмоциональными константами удовольствия и страдания. Тесная синестетическая связь с обонянием (общие оценочные прилагательные) превращает вкус и запах в единое хемосенсорное поле, которое оценивает качество пищи и среды.

Осязание замыкает иерархию (11% лексем). Тактильная лексика наиболее конкретна, телесно ориентирована и демонстрирует наименьшую склонность к семантической абстрагизации. В отличие от слуха *иһит* ‘понимать’ или зрения *көрүү* ‘мнение’, тактильные глаголы редко развивают переносные значения. Большая часть тактильной лексики обозначает не столько ощущение, сколько физическое воздействие: *тарт* ‘тянуть’, *ас* ‘толкать’, *обус* ‘бить’, *баттаа* ‘нажимать, угнетать’.

Это отражает прагматичный, деятельностный характер тактильности: руки не просто «чувствуют», они действуют, преобразуют мир. В суровых арктических условиях, где выживание требует постоянного физического труда, тактильный опыт неразрывно связан с моторным. Язык фиксирует эту связь, отдавая приоритет действию перед ощущением.

Соотношение субъектно- и объектно-ориентированной лексики

Анализ соотношения двух типов лексем выявил важные закономерности, проливающие свет на то, как якутское языковое сознание распределяет внимание между активностью воспринимающего субъекта и свойствами воспринимаемого объекта.

Перцептивная система якутского языка демонстрирует ярко выраженный антропоцентризм: во всех пяти модальностях субъектно-ориентированные лексемы в целом преобладают. Однако распределение крайне неравномерно.

Обонятельная система уникальна: здесь объектно-ориентированная лексика (55%) впервые превышает субъектно-ориентированную. Это кардинально отличает обоняние от всех остальных сенсорных сфер и указывает на особый статус ольфакторных феноменов в языковой картине мира саха. Запах воспринимается как внешняя реальность, существующая независимо от воспринимающего субъекта и требующая детальной категоризации. Язык фиксирует не столько «как мы нюхаем», сколько «каким бывает запах» – его интенсивность, качество, источник, полярность (приятный/неприятный).

На другом полюсе – осязательная система (71% субъектно-ориентированной лексики). Это отражает моторный, силовой характер тактильного взаимодействия с миром. Осязание в якутском языке – это прежде всего действие, воздействие на объект, а не пассивное восприятие его свойств.

Слух, несмотря на доминирующую роль в иерархии, демонстрирует умеренное преобладание субъектной лексики (68%). Это означает, что язык уделяет внимание как акту слушания (включая его интенциональные оттенки: *чөрбөй* ‘внимательно прислушаться’, *кэтээ* ‘подслушивать’), так и характеристикам звука, но с перевесом в сторону субъекта.

Полученные данные позволяют интерпретировать выявленную иерархию сенсорных приоритетов как языковую репрезентацию исторически успешной экологической и социальной адаптации.

Приоритет слуха отражает фундаментальную роль устной традиции и коллективного взаимодействия. В арктических условиях, где из-за рассредоточения малочисленных групп на огромных пространствах выживание зависит от слаженности, доверия и подчинения авторитету,

именно слух выступает главным каналом поддержания социального порядка. Эпос *олонхо*, песни *тойук*, танец *осуохай* – все эти формы бытуют исключительно через звучащее слово. Глагол *иһит*, семантически объединяющий слышание, понимание и послушание, кодирует данную культурную доминанту на глубинном языковом уровне. Показательно, что при встрече якуты прежде всего спрашивают: «*Тугу иһиттин?*» ‘Что слышал?’ [23, с. 971] – в отличие от русского ритуального вопроса «Как дела?».

Высокое положение обоняния связано с его витальной функцией – способностью мгновенно диагностировать угрозу раньше, чем она станет зрительно очевидной. В условиях, где визуальные ориентиры ненадежны, а опасность может исходить от хищника, незаметно приближающегося по ветру, обонятельная бдительность становится критическим фактором выживания. Преобладание объектно-ориентированной лексики в этой сфере означает, что язык требует от носителя тонкой категоризации запахов – то есть постоянной ольфакторной осознанности. Переселившись на север, якуты, изначально скотоводы, переняли охотничьи практики у тунгусо-маньчжурских племен и со временем стали весьма искусными охотниками. Можно предположить, что именно эта хозяйственная трансформация – переход к охоте как к значимому источнику пропитания в экстремальных условиях – стимулировала развитие и закрепление в языке высокой обонятельной чувствительности как адаптивной стратегии.

Промежуточное положение зрения и вкуса отражает их вспомогательную, хотя и важную роль. Зрение активно, целенаправленно, ориентировано на действие (всматривание, наблюдение, поиск). Вкус интегрален, выносит итоговую гедонистическую оценку, тесно связан с обонянием.

Низкое положение осязания может показаться парадоксальным, учитывая важность тактильного контакта с миром в суровом климате. Однако в якутском языке тактильность концептуализируется не столько как сенсорная модальность, сколько как действие – преобразующее, силовое. Лексическая система минимизирует дескрипцию тактильных ощущений, сосредотачиваясь на репрезентации действий. Это также может рассматриваться как адаптивная стратегия: в условиях, где промедление угрожает жизни, приоритет получает оперативное действие, а не рефлексия о характере прикосновения.

Заключение

Лексическая система якутского языка фиксирует устойчивую иерархию сенсорных приоритетов, которая имеет следующий вид: СЛУХ

(31%) > ОБОНЯНИЕ (24%) > [ЗРЕНИЕ = ВКУС] (по 17%) > ТАКТИЛЬНОСТЬ (11%). Эта иерархия является не случайным статистическим фактом, а системным отражением культурно-обусловленной значимости разных каналов восприятия.

Доминирование слуха объясняется исторически сложившейся ролью устной традиции, социальной координации и коллективного опыта в культуре саха. Семантический синкретизм глагола *uhum* ‘слышать – понимать – слушаться’ является уникальной чертой якутского языка.

Высокое положение обоняния отражает его витальную функцию диагностики угрозы в условиях Арктики. Зафиксировано преобладание объектно-ориентированной лексики над субъектно-ориентированной в обонятельной сфере (55% против 45%), что свидетельствует о требовании к носителю языка тонко категоризировать ольфакторные феномены.

Зрение и вкус выполняют вспомогательные, но различные функции: зрение активно-ориентировочное, вкус интегрально-оценочный. Синестезия вкуса и обоняния (общие прилагательные *минньигэс*, *аһыы*) формирует единое хемосенсорное поле, оценивающее качество пищи и среды.

Осязание занимает низшую позицию, что парадоксальным образом связано не с незначительностью тактильного опыта, а с его концептуализацией как действия, а не ощущения. Преобладание субъектно-ориентированной лексики (71%) отражает деятельностный, преобразующий характер тактильного взаимодействия с миром.

Выявленная иерархия представляет собой языковую репрезентацию успешной экологической и социальной адаптации якутского этноса к арктическим условиям. Приоритет коллективного опыта (слух) и витальной безопасности (обоняние) над индивидуальным созерцанием и осязанием – это не лингвистическая случайность, а закодированный в языке эволюционный опыт выживания в экстремальной среде.

Перспективы дальнейших исследований связаны с диахроническим анализом перцептивной лексики (изучение того, как менялась иерархия под влиянием процессов модернизации), сопоставительным изучением сенсорных приоритетов в других тюркских языках, включая казахский, а также в языках других народов Арктики, психолингвистической экспериментальной верификацией выявленной иерархии.

Литература

1. Kull K. On the history of biosemiotics. *Biosemiotics: The Semiotics of Life*. 1998:1–24 (на англ.).
2. Kull K. Biosemiotics in the 20th century: A view from biology. *Semiotica*. 1999;127(1–4):385–414 (на англ.).

3. Farina A. The Landscape as a Semiotic Interface between Organisms and Resources. *Biosemiotics*. 2008;1(1):75–83. DOI: <https://www.doi.org/10.1007/s12304-008-9006-4>
4. Maran T. *Ecosemiotics: The Study of Signs in Changing Ecologies*. Cambridge: Cambridge University Press. 2020 (на англ.).
5. Lindström K., Kull K., Palang H. Landscape semiotics: Contribution to culture theory. *Estonian Approaches to Culture Theory*. Tartu: University of Tartu Press; 2014:110–132 (на англ.).
6. Юлдашев А.А. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках. *Историческое развитие лексики тюркских языков*. М.: АН СССР. 1961:294–461.
7. Кулиев Г.К. Сравнительно-исторический анализ лексико-семантического развития глаголов зрения в тюркских языках огузской группы. *Советская тюркология*. 1976;(54):3–11.
8. Кулиев Г.К. Лексико-семантическое развитие глаголов слухового восприятия в тюркских языках юго-западной группы. *Советская тюркология*. 1978;(5):70–78.
9. Дадаев Т.Ш. *Глаголы чувственного восприятия в разносистемных (узбекском и русском) языках*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент. 1997.
10. Чертыкова М.Д. *Семантико-когнитивная характеристика хакасских глаголов со значением восприятия и их лексических соответствий в других тюркских языках*. Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. 2019.
11. Чертыкова М.Д., Каксин А.Д. Концептуализация слухового восприятия в фольклорно-языковой картине мира (на материале героического сказания «Албынчи»). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Этносведение*. 2020;(1):100–111.
12. Альчикова О.М. *Лексико-семантическая группа параметрических имен прилагательных зрительного восприятия в алтайском языке: в сопоставлении с киргизским языком*: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 2004.
13. Темиргазина З.К. О семантических сдвигах в слове *qatun* в современных тюркских языках: якутском, башкирском, татарском и других. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2026;25(2):56–68. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2026-25-2-56-68>
14. Дьячковский Ф.Н. Семантическое варьирование прилагательных вкусообозначения в якутском языке. *Гуманитарные и социальные науки*. 2014;(2):543–546.
15. Копырина Е.П. Словообразовательное гнездо с вершиной *бигээ* ‘ощупывать, осязать’ в якутском языке. *Альманах современной науки и образования*. 2015;1(91):60–62.

16. Ноева С.Е. Особенности ольфакторной коммуникации в якутском тексте. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021;12(114):54–56. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.164>
17. Николаева А.М., Павлова И.П. Объективация концепта ХАРАХ «глаза, зрение» в якутской языковой картине мира. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2023;4(45):95–107.
18. Николаев И.И. *Происхождение народа саха и его геокультурного комплекса*. Т. 1. Якутск: Чопчу. 2023.
19. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 3. Новосибирск: Наука. 2006.
20. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 6. Новосибирск: Наука. 2009.
21. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 9. Новосибирск: Наука. 2012.
22. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 14. Новосибирск: Наука. 2017.
23. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР. 1958.
24. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. 2. Москва: Изд-во АН СССР. 1959.

References

1. Kull K. On the history of biosemiotics. *Biosemiotics: The Semiotics of Life*. 1998:1–24.
2. Kull K. Biosemiotics in the 20th century: A view from biology. *Semiotica*. 1999;127(1–4):385–414.
3. Farina A. The Landscape as a Semiotic Interface between Organisms and Resources. *Biosemiotics*. 2008;1(1):75–83. DOI: <https://www.doi.org/10.1007/s12304-008-9006-4>
4. Maran T. *Ecosemiotics: The Study of Signs in Changing Ecologies*. Cambridge: Cambridge University Press. 2020.
5. Lindström K, Kull K, Palang H. Landscape semiotics: Contribution to culture theory. *Estonian Approaches to Culture Theory*. Tartu: University of Tartu Press; 2014:110–132.
6. Yuldashev AA. Verbs of sensory perception (verba sentiendi) in Turkic languages. *Historical Development of Turkic Languages' Vocabulary*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 1961:294–461 (in Russian).

7. Kuliev GK. Comparative-historical analysis of lexical-semantic development of vision verbs in Turkic languages of the Oghuz group. *Soviet Turkology*. 1976;(54):3–11 (in Russian).
8. Kuliev GK. Lexical-semantic development of auditory perception verbs in Turkic languages of the South-Western group. *Soviet Turkology*. 1978;(5):70–78 (in Russian).
9. Dadaev TSh. *Verbs of sensory perception in different-system (Uzbek and Russian) languages*. Abstract of Candidate's dissertation (Philology). Tashkent. 1997 (in Russian).
10. Chertykova MD. *Semantic-cognitive characteristics of Khakass verbs with perception meaning and their lexical correspondences in other Turkic languages*. Abakan: Publishing House of NF. Katanov Khakass State University. 2019 (in Russian).
11. Chertykova MD, Kaksin AD. Conceptualization of auditory perception in the folklore-linguistic worldview (based on the heroic legend “Albynchii”). *Bulletin of MK. Ammosov North-Eastern Federal University: Series Epic Studies*. 2020;(1):100–111 (in Russian).
12. Alchikova OM. *Lexical-semantic group of parametric adjectives of visual perception in the Altai language: in comparison with the Kyrgyz language*. Doctor's dissertation (Philology). Novosibirsk. 2004 (in Russian).
13. Temirgazina ZK. On semantic shifts in the word qatun in modern Turkic languages: Yakut, Bashkir, Tatar, and others. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 2026;25(2):56–68. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2026-25-2-56-68> (in Russian).
14. Dyachkovsky FN. Semantic variation of taste-denoting adjectives in the Yakut language. *Humanitarian and Social Sciences*. 2014;(2):543–546 (in Russian).
15. Kopyrina EP. *Family of words with the top bigee “touch, feel” in the Yakut language + bigee*. *Almanac of Modern Science and Education*. 2015;1(91):60–62 (in Russian).
16. Noeva SE. Features of olfactory communication in the Yakut text. *International Scientific Research Journal*. 2021;12(114):54–56. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.164> (in Russian).
17. Nikolaeva AM, Pavlova IP. Objectification of the concept KHARAKH “eye, sight” in the Yakut linguistic worldview. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2023;4(45):95–107 (in Russian).
18. Nikolaev II. *The origin of the Sakha people and their geocultural complex*. Vol. 1. Yakutsk: Chopchu. 2023 (in Russian).
19. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka. 2006 (in Russian).
20. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka. 2009 (in Russian).

21. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 9. Novosibirsk: Nauka. 2012 (in Russian).

22. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 14. Novosibirsk: Nauka. 2017 (in Russian).

23. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. 1. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1958 (in Russian).

24. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. 2. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1959 (in Russian).

Об авторах

ИВАНОВА Раиса Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра английской филологии и социогуманитарных дисциплин, Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Мирном, Мирный, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9757-1779>, WoS ResearcherID: AAG-2094-2020, Scopus Author ID: 57191432729, Elibrary AuthorID: 628674, SPIN: 5938-5372, e-mail: raissal@yandex.ru

АЙМОЛДИНА Алия Аманжоловна – Ph.D. (филология), ассоциированный профессор, Школа общеобразовательных дисциплин, Astana IT University, Астана, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5437-7386>, WoS ResearcherID: P-3986-2014, Scopus Author ID: 56134154000, Elibrary AuthorID: 627648, SPIN: 3596-5868, e-mail: aliya.aimoldina@astanait.edu.kz

About the authors

Raisa P. IVANOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Chair of the Department of English Philology and Humanities, Mirny Polytechnic Institute (branch) M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9757-1779>, WoS ResearcherID: AAG-2094-2020, Scopus Author ID: 57191432729, Elibrary AuthorID: 628674, SPIN: 5938-5372, e-mail: raissal@yandex.ru

Aliya A. AIMOLDINA – Ph.D. (Philology), Associate Professor, School of General Education Disciplines, Astana IT University, Astana, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5437-7386>, WoS ResearcherID: P-3986-2014, Scopus Author ID: 56134154000, Elibrary AuthorID: 627648, SPIN: 3596-5868, e-mail: aliya.aimoldina@astanait.edu.kz

Вклад авторов

Иванова Р.П. – разработка концепции, методология, проведение исследования, руководство исследованием

Аймолдина А.А. – верификация данных, проведение статистического анализа, редактирование рукописи

Authors' contribution

Raisa P. Ivanova – conceptualization, methodology, investigation, supervision

Aliya A. Aimoldina – validation, formal analysis, writing – review & editing

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 10.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 11.05.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026